характеръ простыхъ протоколовъ и были бы простымъ изложеніемъ фактовъ, безъ всякаго обсужденія послѣднихъ со стороны журналиста".

Въ полной гармоніи со всѣмъ строемъ Икаріи находится и то, что выборъ занятій въ этомъ совершенномъ государствѣ всего меньше можетъ считаться свободнымъ; „ребенокъ земледѣльца,—говоритъ Кабэ,—свободенъ выбрать другое занятіе, если какая-либо семья въ городѣ соглашается его взять, какъ дитя изъ городской семьи можетъ стать земледѣльцемъ, если какой-либо фермеръ соглашается принять его къ себѣ; но какъ общее правило, дѣти земледѣльцевъ предпочитаютъ быть земледѣльцами, какъ и ихъ отцы".

Итакъ наслѣдственность занятій —нѣчто вродѣ кастъ!

„Икарія" Кабэ воплощаетъ въ себѣ именно то „грядущее рабство", о которомъ говорятъ враги соціализма. Вообще централистическій коммунизмъ является для того, кто считаетъ свободу развитія человѣческой личности верховнымъ благомъ, совершенно непріемлемой формой общежитія. Но соціалистическое устройство общества мыслимо и въ совершенно другихъ формахъ, указанныхъ Пекёромъ и Беллами, при которыхъ обезпеченіе хозяйственнаго благостоянія массы не только не покупается отказомъ отъ индивидуальной свободы, но, наоборотъ, является самой прочной опорой этой свободы. Именно этой формѣ соціализма и принадлежитъ будущее.

Централистическій коммунизмъ, поскольку онъ принудительно устанавливаетъ, какіе именно предметы должны потребляться человѣкомъ, является совершенно недопустимымъ стѣсненіемъ личной свободы человѣка. Однако, отсюда не слѣдуетъ, что начало коммунизма въ потребленіи должно быть совершенно отвергнуто. Дѣло въ томъ, что коммунизмъ выставляетъ два различныхъ принципа распредѣленія. Въ идеалѣ, коммунизмъ требуетъ полной свободы потребленія—каждому по его потребностямъ, для ближайшаго же времени коммунизмъ выставляетъ требованіе качественнаго и количественнаго равенства потребленія. Такое равенство потребленія равносильно, какъ я сказалъ, полному порабощенію личности обществомъ. Но коммунизмъ выставляетъ и болѣе высокій принципъ распредѣленія—свободы потребленія. Правда, этотъ принципъ можетъ казаться совершенно неосуществимымъ на практикѣ. Вѣдь человѣческія потребности почти безграничны; если предоставить каждому полную свободу расширять свое потребленіе, то не приведетъ ли это къ тому, что одни будутъ захватывать бо́льшую часть общественнаго богатства въ ущербъ другимъ, которымъ поневолѣ придется довольствоваться немногимъ, оставшимся на ихъ долю? Такъ какъ общественное богатство имѣетъ свои границы, то должны быть, казалось бы, какія-либо внѣшнія границы для потребленія, которое, предоставленное самому себѣ, стремилось бы къ неограниченному расширенію.

Однако, соображенія эти далеко не такъ сильны, какъ кажется съ перваго взгляда. Прежде всего, далеко не во всѣхъ своихъ областяхъ человѣческое потребленіе способно къ такому безграничному расширенію. Наиболѣе настоятельныя физіологическія потребности—напр., въ питаніи—легко удовлетворяются и не могутъ поэтому неограниченно расти; только въ области того, что называютъ потребностями роскоши, наблюдается нѣчто похожее на практически неограниченный ростъ потребности по мѣрѣ ея удовлетворенія, поэтому полное удовлетвореніе потребностей этого рода оказывается практически недостижимымъ. Но главное дѣло въ томъ, что силы, вводящія личное потребленіе въ разумныя границы, отнюдь не должны непремѣнно имѣть внѣшній, принудительный характеръ. Человѣкъ можетъ добровольно, изъ уваженія къ интересамъ другихъ людей, ограничивать свое потребленіе. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ, помимо всякихъ принудительныхъ законовъ или правилъ, и страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ. Человѣкъ, потребленіе котораго настолько выходитъ изъ границъ, что отъ этого страдаютъ другіе, долженъ неизбѣжно навлекать на себя неудовольствіе своихъ товарищей. Подобныя соображенія, при предположеніи извѣстной высоты нравственнаго уровня лицъ, принадлежащихъ къ данному общественному союзу, могутъ оказаться совершенно достаточными для того, чтобы полная свобода личнаго потребленія не превращалась въ злоупотребленіе этой свободой въ ущербъ интересамъ всего общества.

Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что существуютъ области, въ которыхъ наблюдается полное согласіе между личнымъ и общественнымъ интересомъ и въ которыхъ общество потому нисколько не заинтересовано въ ограниченіи личнаго потребленія. Сюда относятся высшія, духовныя потребности. Общество не теряетъ, а выигрываетъ отъ того, что библіотеки, музеи, образовательныя учрежденія привлекаютъ къ себѣ большее число посѣтителей.

Итакъ, полная свобода личнаго потребленія отнюдь не заключаетъ въ себѣ какой-либо внутренней невозможности, но для осуществленія вполнѣ коммунистическаго общества, въ которомъ каждый свободно пользовался бы тѣмъ, что ему нужно, требуется, прежде всего, полное нравственное перевоспитаніе человѣчества. Пока вся масса населенія не проникнется уваженіемъ къ чужимъ интересамъ и не воспитаетъ въ себѣ постоянной готовности поступаться своими личными интересами, если этого требуютъ интересы общества, до тѣхъ поръ будетъ оставаться въ силѣ необходимость внѣшнихъ, принудительныхъ, общественныхъ

нормъ, регулирующихъ личное потребленіе. Но эти нормы должны быть таковы, чтобы свобода выбора потребляемыхъ предметовъ не исчезла. Соціалистическія системы, нормирующія доходы отдѣльныхъ лицъ, но отнюдь не стѣсняющія этой свободы, представляютъ собой, поэтому несравненно высшій типъ общественнаго союза, чѣмъ коммунистическая система Кабэ, нормирующая не доходы, а самое потребленіе членовъ общества.

Итакъ, конечнымъ общественнымъ идеаломъ является коммунизмъ, для ближайшаго же будущаго — соціализмъ, или, говоря точнѣе, извѣстное сочетаніе соціализма съ коммунизмомъ. Даже въ современномъ обществѣ существуютъ обширныя области коммунистическаго, вполнѣ свободнаго, потребленія. Такъ, всѣ свободно пользуются общественными парками, музеями, библіотеками, картинными галлереями. Народное образованіе также, въ большей или меньшей степени, имѣетъ даровой характеръ. Даровая медицина и ветеринарія уже теперь является господствующимъ типомъ лѣчебной помощи въ русской деревнѣ земскихъ губерній. Безъ всякаго сомнѣнія, область свободнаго коммунистическаго потребленія должна чрезвычайно расшириться въ соціалистическомъ обществѣ—и упущеніе этого изъ виду составляетъ главный недостатокъ соціалистическихъ плановъ Пекёра и Беллами. Не только воспитаніе и образованіе подрастающаго поколѣнія должны получить всецѣло коммунистическій характеръ, но и тѣ области общенароднаго потребленія, въ которыхъ нѣтъ основанія опасаться чрезмѣрнаго роста потребностей, должны основываться на коммунистическихъ началахъ. Весьма возможно, что полученіе пищи можетъ быть объявлено въ соціалистическомъ обществѣ совершенно свободнымъ—каждый будетъ получать отъ общества безъ всякой платы предметы питанія и въ такомъ количествѣ, въ какомъ самъ пожелаетъ. Плата за передвиженіе можетъ быть также отмѣнена безъ всякой опасности для общественныхъ интересовъ. Вся область необходимыхъ потребностей можетъ быть объявлена не подлежащей никакому общественному контролю и регулированію.

Итакъ, въ обществѣ будущаго можно предвидѣть широкое сочетаніе соціалистическаго и коммунистическаго началъ, причемъ дальнѣйшее общественное развитіе будетъ выражаться въ постепенномъ вытѣсненіи соціализма (въ узкомъ смыслѣ) коммунизмомъ, пока общественное хозяйство не приметъ всецѣло коммунистическаго характера.

III.

Корпоративный соціализмъ.

Самымъ выдающимся представителемъ того соціалистическаго направленія, которое я называю корпоративнымъ соціализмомъ, является Луи Бланъ [1]). Централистическій соціализмъ стремится къ сосредоточенію въ рукахъ организованной центральной общественной власти руководительства всѣмъ общественнымъ процессомъ производства. Напротивъ, корпоративный соціализмъ имѣетъ въ виду передачу общественнаго производства въ руки отдѣльныхъ организованныхъ профессіональныхъ союзовъ, корпорацій рабочихъ.

Луи Бланъ хорошо понималъ важность государства въ дѣлѣ соціалистическаго преобразованія общественнаго хозяйства. Онъ отнюдь не былъ сторонникомъ соціалистическихъ опытовъ въ маломъ размѣрѣ. Но въ то же время, онъ не вѣрилъ и въ возможность для государственной власти непосредственно руководить всѣмъ громаднымъ и чрезвычайно сложнымъ общественнымъ хозяйствомъ. Его задачей было примирить оба противоположныхъ начала—государственное вмѣшательство и свободу частнаго почина. Планъ Луи Блана сводился къ слѣдующему.

Движущимъ рычагомъ соціалистическаго преобразованія общества становится государственная власть. Съ этой цѣлью государство сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всѣ тѣ отрасли хозяйства, которыя, по своему существу, допускаютъ или даже требуютъ централизаціи; сюда относится вся область кредита и страхового дѣла, затѣмъ желѣзныя дороги, горнозаводская промышленность. Кромѣ того, государство сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ оптовую и розничную торговлю. Располагая всѣми этими могущественными хозяйственными средствами, государство пользуется ими для того, чтобы постепенно замѣнить всѣ капиталистическія частно-хозяйственныя предпріятія трудовыми ассоціаціями, артелями рабочихъ, оказывая поддержку свободно возникающимъ ассоціаціямъ такого рода.

Но, конечно, государство будетъ оказывать помощь не всякимъ ассоціаціямъ рабочихъ, а лишь такимъ, которыя удовлетворяютъ извѣстнымъ требованіямъ. Ассоціаціи, пользующіяся помощью государства, должны имѣть, прежде всего, чисто трудовой характеръ—онѣ должны состоять только изъ рабочихъ, пользующихся совершенно равными правами, наемный трудъ въ нихъ никоимъ образомъ не можетъ быть допущенъ, руководительство ими должно при-

[1]) **Луи-Бланъ**—французскій публицистъ, историкъ и общественный дѣятель (1811—1882)—былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей Февральской революціи 1848 г. Будучи любимцемъ парижскихъ рабочихъ, онъ вошелъ въ составъ временнаго правительства, образовавъ въ немъ вмѣстѣ съ рабочимъ Альберомъ соціалистическую группу. Послѣ побѣды реакціи Бланъ долженъ былъ бѣжать и провелъ болѣе двадцати лѣтъ въ изгнаніи, главнымъ образомъ въ Англіи. Ему принадлежитъ нѣсколько превосходныхъ историческихъ работъ, въ томъ числѣ многотомныя исторіи Іюльской монархіи за 10 лѣтъ (1830—1840 г.) и Великой Французской революціи.